

Семейные индикаторы риска аддиктивного поведения

Н.Б. Флорова

*кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
медико-психологической реабилитации Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва*

Объем научного и эмпирического материала по аддиктивному поведению детей и подростков позволяет совершенствовать методологию профилактики внутрисемейных аддикций. Обзор недавних зарубежных публикаций, раскрывающих эту тему, дает основания отнести средовую токсичность; структуру семьи; уровень образования родителей; качество родительства; психоэмоциональное состояние родителей на фоне проблемного поведения детей; способность детей и подростков к эмпатии; транспоколенную трансляцию социокультурных норм и традиций и другие психосоциальные факторы к значимым семейным индикаторам риска аддиктивного поведения.

Ключевые слова: аддиктивное поведение; семья; подростки; индикаторы риска; факторы риска; прогноз риска; доказательная профилактика.

В любой области знаний совершенствование профессиональных компетенций происходит за счет активного использования научного ресурса. Такой ресурс, или интеллектуальный капитал, содействует повышению уровня подготовки специалистов (то есть их креативности), стимулирует взаимопроникновение разных областей знаний, междисциплинарный обмен навыками и информацией, разработку стратегий развития технологий. В результате формируется новая корпоративная культура, рассчитанная на длительную поддержку позитивных процессов в изменяющейся среде [13]. Проявление этой общенаучной и общемировой закономерности наблюдается и в сфере профилактики зависимого поведения (в том числе в семье). Оно выражается в постепенном отказе от академического описания проявлений аддикции в пользу

установления и анализа прогнозных факторов, их классификации и стандартизации, прогнозирования рисков и многих других инноваций.

Таким образом, с помощью доказательной профилактики во многих странах активно создаются ресурсы глобальной базы данных по индикаторам и системообразующим прогнозным факторам риска аддиктивного поведения, в результате чего начинают проявляться очертания системной профилактики зависимости нового уровня и качества. Этот процесс требует огромных интеллектуальных инвестиций и существенно замедлен по сравнению с простым механическим накоплением информации.

Как известно, ЮНЕСКО предлагает считать индикаторами «набор характеристик, дифференцирующих их по специфичности, типу данных, фокусу, контенту, цели» [19].

Из этого определения следует, что индикаторами и прогнозными факторами (predictive factors) аддиктивности могут считаться практически все динамически изменяющиеся качественные и количественные параметры, характеристики и свойства поведения, которые могут быть зарегистрированы, измерены и оценены исследователем/наблюдателем в семье. Поэтому фактический материал по семейным проблемам аддиктивного поведения детей/подростков может служить базой данных для выстраивания системы индикаторов аддиктивного поведения. Например, специалисты университета Оттавы (Канада) предлагают 90 прогнозных показателей благополучия ребенка, составляющих его личностные ресурсы развития и культуры [8]. По данным других авторов, этот перечень может быть расширен до нескольких сотен позиций.

Для составления кадастра индикаторов и инструментов прогнозирования рискованного поведения необходимо выделить ведущие (системообразующие) факторы формирования аддиктивного поведения, которые позволили бы отслеживать их валидность в ходе мониторинга и предлагать управляемые модели риска. Такой подход «укрупнения» применен, в частности, сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (ГНЦССП, РФ) для структурированной оценки риска совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетних (ОРВ) [1]. Он начинает проследиваться в доступных зарубежных информационных массивах по аддикциям.

Так, исследователи, работающие в сфере семейной профилактики аддик-

тивного поведения, начинают выделять индикаторы и предикторы риска аддикций в самостоятельные смысловые категории на экологическом (средовом) и социокультурном уровнях.

В качестве примера можно привести публикацию социальных психологов университета Мэриленда (США) [9]. Авторы этого исследования полагают, что рискованное поведение подростков формируется под воздействием социально-токсичной среды (socially toxic environment), снижающей «активы индивидуального развития» молодежи. **Индикаторами средовой токсичности** в данной работе выступают факторы и явления, опасные для психического здоровья: атрибуты наркопотребления (ритуалы и принадлежности); ближайшее окружение с его пристрастием к наркопотреблению и своей системой жизненных ценностей; приверженность к граффити; вызывающее поведение; демонстративное распитие алкоголя; стремление оставить после себя мусор (битые бутылки из-под алкогольных напитков) и т. д. По мнению авторов, независимо от социоэкономического статуса семьи пребывание в социально-токсичной среде отрицательно влияет на траектории развития детей и подростков младшей возрастной группы (среднего возраста 10,9 лет), увеличивая риск формирования импульсивного поведения и повышая вероятность дальнейшего негативного копинга в подростковом возрасте.

Специалисты сходятся во мнении, что внутрисемейная профилактика аддиктивного поведения важна как для средового, так и для социокультурного уровня семьи.

К индикаторам семейной профилактики аддиктивного поведения могут

быть отнесены структура семьи, уровень образования родителей, качество родительства, при том что авторы, изучающие эти компоненты семейной структуры, часто недооценивают их реальное методологическое значение.

Социолог Пенсильванского университета (США) Молли Мартин на примере детей 14—15 лет из полных и неполных семей исследовала взаимосвязь структуры семьи, уровня образования биологических родителей и стремления к получению школьного и последующего образования. Рабочая гипотеза этого исследования состояла в том, что сужение структуры семей (увеличение числа неполных семей) провоцирует снижение стремления к продолжению образования и создает трудности воспитания и профилактики зависимого/аддиктивного поведения детей [15].

Автор выявила критический порог длительности *родительского образования* (13,5 лет), снижение которого неблагоприятно сказывается на стремлении детей продолжать образование. Оказалось, что в семьях, где кровные родители сами обучались более 13,5 лет, длительность школьного обучения детей составляла 15,5 лет (если образование родителей было ниже этого порога, то дети обучались 13,9 лет); семьям с одной матерью, даже при ее высоком образовательном статусе, не удавалось добиться, чтобы дети учились более 14 лет. Стремление к дальнейшему обучению в колледжах и университетах после школы было резко выражено у детей из полных семей с полноценным родительским образованием, тогда как в семьях с одним кровным родителем этот импульс был вдвое слабее независимо от уровня образования отца/матери.образова-

тельный статус и структура семьи также определяют способность детей к восприятию научного знания (математики); в неполных семьях сглаживалось влияние родительского образовательного статуса на фоне снижения способности к математике (наиболее характерно это сглаживание для семейной пары отец/дочь). Тем самым автор наглядно показала, что два биологических родителя лучше используют свой социальный капитал (социокультурные и экономические ресурсы) и эффективнее транслируют детям семейные традиции стремления к образованию.

По мнению специалистов, с помощью образования поддерживается процесс воспроизводства социального статуса семьи (рода, династии) в поколениях и повышается социокультурная мобильность последующих поколений (обучение по программам обмена и др.).

Следовательно, семьи с двумя кровными родителями, имеющими высокий образовательный статус, ответственнее подходят к обеспечению благополучия детей и понимают, что оно зависит от качества полученного образования, наличия навыков — когнитивных (концентрация, восприятие, память, логическое мышление) и некогнитивных (так называемого эмоционального интеллекта). Семья с одной матерью/отцом попадает в группу потенциального риска снижения качества образования детей (что, однако, не является правилом), но успехи детей из неполных семей оплачиваются огромным психологическим и социально-экономическим напряжением и изнашиванием личных ресурсов родителей. Как следствие, у родителей формируются пограничные состояния психоэмоциональной перегрузки.

Данной проблеме посвящена работа социолога Сингапурского университета Ирены Нжи. Этот автор полагает, что в семье может сложиться опасная ситуация, когда в одной точке сходятся стремление матери к тому, чтобы ее дети получили достойное образование, «трудное поведение» подростков и материально-финансовый статус семьи [16]. Такая ситуация особенно остра в странах, где высшее образование представляет собой значимую культурологическую норму (Сингапур относится к таким странам). Трудности, создаваемые для семьи поведением подростков и детей, оказываются острым отягчающим, утяжеляющим фактором (*aggravating factor*) для семейного микроклимата. [Следует, однако, принять во внимание, что термин «аггравация» в контексте данной работы может трактоваться двояко: как одновременное описание усугубления ситуации и состояния матерей — болезненного преувеличения реальности (не симуляции)]. По мнению автора, в таких обстоятельствах матери часто теряют самообладание и испытывают чувство беспомощности, поскольку поведение детей и отсутствие возможности обеспечить их благополучие в совокупности резко снижают самооценку женщин. Интересно, что при этом успеваемость детей как приоритетная социальная ценность отходит на второй план. Постоянная депрессивность, страх, безнадежность, переживаемые родителями, угнетающе влияют на подростков и остальных членов семьи и могут провоцировать постепенное вовлечение в зависимое/созависимое поведение. Автор полагает, что программы финансовой поддержки таких семей должны быть длительными, чтобы обеспечить психологическое здоровье семьи.

Представляется, что в любом случае можно считать *психоэмоциональное состояние матерей* подростков с проблемами здоровья и поведения индикатором риска аддиктивности членов семьи (первичным или вторичным).

Практика показывает, что фактором риска аддиктивности детей действительно выступает не столько качество образования родителей, сколько доход семьи; система образования в таких ситуациях призвана выполнять превентивные функции. Стефани Берзин (Бостонский колледж), исследуя динамику уязвимости молодежи из бедных семей в процессе взросления, показала, что при отсутствии поддерживающих родительских ресурсов — материальных и эмоциональных — школьное образование становится не только системой, способной выявить уязвимых учащихся, но системой, способной разработать программы адресной поддержки в период взросления [5].

Качество родительства — важнейший предиктор поведенческих проблем и степени жизненной самореализации детей и подростков в раннем детстве и в период обучения.

Специалисты Великобритании полагают, что нарушения стиля родительства, выражающиеся в чрезмерно жестких канонических (закрепленными в поколениях) требованиях со стороны родителей, можно считать предиктором сохранения (или даже усугубления) жесткого стиля родительства, переходящего в жестокость, в следующих поколениях, и возникновения у детей поведенческих проблем, типичных для зависимости [6].

Качество взаимоотношений в паре родитель-ребенок (матери с сыном, матери с дочерью) также показательно для оценки риска аддиктивности в семье. Напри-

мер, наличие доверительных отношений в паре мать—сын-подросток специалисты предлагают считать защитным фактором против табакокурения, в паре отец-сын — против употребления марихуаны [14]. Аналогичным образом можно классифицировать множество факторов, относя их к индикаторам или предикторам аддиктивной ситуации семьи. Например, психологическую дистанцию в паре родитель—подросток 15—16 лет, как следствие авторитарности родительства, психологи трех университетов США относят к предикторам проблем с идентичностью, социализацией и поведением в подростковом возрасте [10].

На профилактическую функцию качества родительства указывают также исследования ситуаций риска, возникающих при отказе родителей от участия в воспитании совместных кровных детей [7]. Эти исследования подтвердили, что от участия в воспитании уклоняются родители со слабо развитыми собственными стратегиями преодоления трудностей. Действительно, в Великобритании на выборке из 115 супружеских пар показано, что отцы (не матери), выходящие из структуры родительства, «...играют в этом трагическом спектакле роли людей отчужденных, холодных эмоционально и считающих, что матери недостаточно ценят их вклад в родительство», отличаются низкой жизнестойкостью и повышенной депрессивностью уже с начала родительства.

Эта работа свидетельствует также о переходящей роли социальных компетенций устойчивости и социализации родителей в семейной профилактике независимого поведения.

Родительство как профилактическое сопровождение в период личностного

развития ребенка и особенно в период перехода подростка во взрослую жизнь определяет позитивность жизненной позиции подростка (PYD), его выбор и принятие целей и норм в жизни.

Исследовательская группа семейных психологов США показала, что 26 % учащихся 15—16 лет считают просоциальность важнейшим социокультурным конструктом, дающим возможность осуществлять нечто, меняющее жизнь окружающих в позитивном направлении. Жизненная цель для них — ценностный ориентир, транслированный собственной семьей: «...Я хочу учить своих детей моральным ценностям, которым научили меня родители: принимать правильные решения и обращаться с другими так, как мне бы хотелось, чтобы обращались со мной» [11]. Вероятно, цель жизни, определяемая в подростковом возрасте, может считаться индикатором ресурсов здоровья и энергии и перспектив психологического благополучия во взрослой жизни.

Другая группа американских семейных психологов в лонгитюдном эксперименте сопоставила показатели позитивной социальной адаптации в трех точках — раннем детстве, спустя 10 и 20 лет (в юности и в раннем взрослом периоде, когда у этих детей появились свои семьи), — с показателями качества родительства [17]. Выбор социальной компетенции (качества дружбы, социального признания) как возможного медиатора транспоколенного континуума родительства авторы обосновали теориями психологии развития, построенными на взаимообусловленности качества родительства и поведенческих компетенций детей. Данное исследование дало очередные доказательства, что ранняя социаль-

ная компетенция в сфере позитивных межличностных отношений развивает молодого человека, расширяет границы его личностных профилактических ресурсов и тем самым повышает качество компетенции его собственного будущего родительства. Родительское профилактическое сопровождение детей в таких семьях — ожидаемо эффективное.

Авторы этого исследования, по сути, вышли на описание профилактической функции транспоколенных трансляций позитивного родительства и представляют свое видение трудностей на пути этого процесса. По их мнению, социальная компетенция может способствовать транспоколенной трансляции позитивного родительства лишь частично и только в том случае, когда временной интервал между поколениями минимален. Авторы полагают, что недостаточно зрелый возраст родителей снижает качество воспитания детей и повышает риск повреждающего воздействия средовых факторов на поведение потомства. Это повреждающее воздействие может быть связано с тем, что у молодой семьи, по сравнению с более зрелой, расширены границы взаимодействия с жизненной средой и иными социальными институтами. По мере повышения возраста родителей обширные ассоциативные связи размываются и на первый план выходят внутренние профилактические установки семьи, сформированные за время ее существования и определяющие эффективность позитивных транспоколенных процессов.

Передача позитивного опыта по здоровьесбережению из поколения в поколение внутри транспоколенного континуума семьи (династии) предположительно идет не только непосредственно

по родственным связям, но и через не-прямые процессы параллельного взаимодействия представителей поколений со своими сверстниками и со своими родителями. *Межпоколенную трансляцию позитивных социокультурных норм* (например, традицию трезвенного образа жизни) в нескольких поколениях можно рассматривать как инструмент семейной профилактики алкоголизма и иных зависимостей, а наличие такой трансляции — считать индикатором профилактической ситуации. Однако механизм такой трансляции еще не выявлен полностью.

Так, например, на материале, собранном в американских семьях, установлено, что родительский контроль поведения ребенка и жесткие требования к соблюдению внутрисемейных установок в генерации из трех следующих друг за другом поколений передаются преимущественно от самого старшего поколения к промежуточному, тогда как от промежуточного к самому молодому поколению передается лишь стиль поведения, диктуемый внешними воздействиями [3]. Трансляция традиции родительского контроля за поведением детей прерывается промежуточным поколением, в котором родительство становится неадекватным и разрушающим. Авторы этой работы полагают, что именно 2-е промежуточное поколение несет ответственность за формирование вызывающего и жестокого поведения в наиболее молодом поколении и за нивелирование профилактических усилий старших поколений.

Транслируемые социокультурные традиции профилактической направленности могут быть самыми неожиданными, но ни одна из них не может быть преуменьшена (по принципу по nonsense

parenting). Аддиктивное поведение подростка может сформироваться в условиях равнодушного отношения родителей к тому, как ребенок/подросток засыпает и соблюдает режим сна и отдыха, при отсутствии семейных традиций совместных обедов, досуга. Так, в университете Алабама было проведено специальное исследование взаимосвязи защитного эффекта традиционных семейных обедов (фактор FFD) и проявлений проблемного поведения в группе подростков возраста 12—16 лет [18]. Было показано, что более высокие показатели FFD коррелируют со снижением вероятности совершения подростками краж, злоупотребления алкоголем, драк, намеренной порчи чужого имущества. При этом традиции семейных обедов оказались более значимыми для мальчиков и юношей, чем для девочек и девушек. У мальчиков следование данной традиции снижало вовлеченность в табакокурение, у девочек — к курению марихуаны. Автор полагает, что эмоциональные контакты с семьей повышают уровень родительского контроля, укрепляют родительско-детские связи, увеличивают продолжительность общения близких людей.

Социокультурные позитивные традиции семьи, как правило, поддерживаются старшим поколением. По мнению специалистов Американской психологической ассоциации, бабушки по материнской линии совместно с родителями и другими родственниками составляют близкородственную социальную сеть как гарант безопасности и сохранения внутреннего климата семьи для ребенка/подростка, особенно в ситуациях сдвигов в структурах семьи (разводы, утрата родителей). В такой семье легче прививаются духовность, уважение к ок-

ружающим, эмоциональная устойчивость, саморегуляция и иные индивидуальные защитные факторы [2].

Профилактическое значение родственной сети особенно отчетливо выражено в семьях этнических меньшинств, переживших геноцид, переселение и другие травмы и в той или иной степени пораженных алкоголизмом. Таковы популяции американских индейцев и аборигенов Аляски, для которых характерны недоверие к государственным профилактическим и реабилитационным программам, страх навязывания извне чуждых культурных традиций (афроамериканских). Внутри таких социальных групп исторически сложившаяся культурная практика сама выполняет функцию здоровьесбережения и лечения.

Специалисты Калифорнийского университета полагают, что профилактическое вмешательство, направленное на смягчение подобных настроений, следует выстраивать на принципе индивидуального подхода, партнерства, уважения культурологических особенностей и приоритетов за счет ресурсов образования, здравоохранения, экономического развития, планирования [12].

Доказательный пример эффективности такого подхода — работа Детского травматологического центра «Страна индейцев» (ICCTC) — части государственной сети детского травматического стресса (NCTSN) и проекта SAMSHA (профилактика и лечение последствий злоупотребления психоактивными веществами), работающего, в том числе, с семьями американских индейцев и аборигенов Аляски [4].

В профилактическую концепцию ICCTC «Теория + национальная мудрость» заложены исторически сложив-

шиеся среди коренных жителей Аляски и американских индейцев принципы воспитания детей, основанные на безусловном принятии ребенка, уважении к нему. Духовно-нравственное воспитание убеждением, пониманием реализуется в так называемой расширенной семье, в центре которой — ребенок и родители, вне центра — все остальные родственники, принадлежащие к разным поколениям. В такой семье дети получают тепло, заботу, уважение, поддержку большого числа людей. В этом кругу сильны традиции поощрения желательного (здорового) поведения, воспитанные семьей (праздниками, танцами, обрядами). Неадекватное поведение детей рассматривается исключительно как результат непонимания. Современная программа профилактики и реабилитации детей этнических групп с проблемным поведением в ИССТС разработана на основе этих положений и ориентирована в первую очередь на улучшение родительно-детских отношений. При этом ответственность за позитивное поведение детей несут все участники родственного круга.

Следует, однако, иметь в виду, что реализация современных программ семей-

ной профилактики аддиктивного поведения затруднена физической и духовной разобщенностью поколений и психофизиологическими нарушениями работы мозга у большинства молодых людей. По данным Сьюзан Адель Гринфилд, профессора университета Оксфорд [www.susangreenfield.com], социальные сети способствуют появлению поколения эгоцентриков, не способных к эмпатии и концентрированию внимания, отличающихся неустойчивым самосознанием, ориентированных преимущественно на собственный успех.

Исходя из этих данных, *наличие или отсутствие эмпатии* можно отнести к критериям риска аддиктивного поведения.

Таким образом, многоуровневый междисциплинарный кадастр индикаторов риска аддиктивности и прогнозных факторов аддиктивности в семьях — выполнимая задача.

Вместе с тем, судя по сравнительно малому количеству публикаций, в которых тот или иной фактор или показатель семейной ситуации четко относят к прогнозным или индикативным, эта задача требует от исполнителей ответственности и длительной апробации результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова М.В. Методическое руководство по использованию метода «Оценки рисков и возможностей» (ОРВ) в организации социально-психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] / Е.Г. Дозорцева, А.А. Дрейзин, Д.С. Ошевский, С.А. Полятыкин, Т.Е. Солдатова; Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН). Москва: РБФ НАН, 2009. 196 с. (Работа с детьми группы риска. Выпуск 17). URL: <http://www.magcentr.ru/files/40.pdf>.
2. Resilience and Strength in African American Children and Adolescents. A vision for Optimal Development [Electronic resource]. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2008. 93 p. URL: <http://http://www.apa.org/pi/families/resources/resilience-rcpt.pdf>.

3. *Bailey R.S.* Withdrawal symptoms over time among adolescents in a smoking cessation intervention: Do symptoms vary by level of nicotine dependence? / Steffani R. Bailey, Christopher T. Harrisona, Christina J. Jefferya, Seth Ammermanb, Susan W. Brysona, Diana T. Killena, Thomas N. Robinsona, Alan F. Schatzbergc, Joel D. Killena // *Addictive Behaviors*. 2009. Vol. 34, № 12. P. 1017—1022.
4. *BigFoot D.S., Funderburk B.W.* Honoring children, making relatives: The cultural translation of parent-child interaction therapy for American Indian and Alaska native families // *Journal of Psychoactive Drugs*. 2011. Vol. 43, № 4. P. 309—318.
5. *Berzin S.C.* Vulnerability in the transition to adulthood: Defining risk based on youth profiles // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32, № 4. P. 487—495.
6. *Conger R.D., Belsky J., Capald D.M.* The intergenerational transmission of parenting: Closing comments for the special section // *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45, № 5. P. 1276—1283.
7. *Elliston D.* Withdrawal from co-parenting interactions during early infancy / Donna Elliston, James McHalle, Jean Talbot, Meagan Parmley, Regina Kuerstein-Hogan // *Family Process*. 2008. Vol. 47, № 4. P. 481—499.
8. *Filbert K.M., Flynn R.J.* Developmental and cultural assets and resilient outcomes in First Nations young people in care: An initial test of an explanatory model // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32, № 4. P. 560—564.
9. *Furr-Holden C.D.M.* Disordered neighborhood environments and risk-taking propensity in late childhood through adolescence / C. Debra M. Furr-Holden, Adam J. Milam, M.H.S., Elizabeth K. Reynolds, M.S., Laura MacPherson, Carl W. Lejuez // *Journal of Adolescent Health*. 2012. Vol. 50, № 1. P. 100—102.
10. *Hardy S.A.* Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization / Sam A. Hardy, Amit Bhattacharjee, Americus Reed, Karl Aquino // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33, № 1. P. 111—123.
11. *Hill P.L.* Classifying adolescents' conceptions of purpose in life / Patrick L. Hill, Anthony L. Burrow, Amanda C. O'Dell, Meghan A. Thornton // *The Journal of Positive Psychology*. 2010. Vol. 5, № 6. P. 466—473.
12. *Larios S.E.* Evidence-based practices, attitudes, and beliefs in substance abuse treatment programs serving american indians and alaska natives: a qualitative study / Sandra E. Larios, Serena Wright, Amanda Jernstrom, Dorothy Lebron, James L. Sorensen // *Journal of Psychoactive Drugs*. 2011. Vol. 43, № 4. P. 355—359.
13. *Liao Sh.-H.* Relationships among organizational culture, knowledge acquisition, organizational learning, and organizational innovation in Taiwan's banking and insurance industries / Shu-Hsien Liao, Wen-Jung Chang, Da-Chian Hu, Yi-Lan Yueh // *The International Journal of Human Resource Management*. 2012. Vol. 23, № 1. P. 52—70.
14. *Luk J.W.* Parent-child communication and substance use among adolescents: Do father and mother communication play a different role for sons and daughters? / Jeremy W. Luk, Tilda Farhat, Ronald J Iannotti, Bruce G. Simons-Morton // *Addictive Behaviors*. 2010. Vol. 35, № 5. P. 426—431.
15. *Martin M.A.* Family structure and the intergenerational transmission of educational advantage // *Social Science Research*. 2012. Vol. 41, № 1. P. 33—47.

16. *Y.H. Ng I.* Parents' psychological self-concepts and children issues in low-income families in Singapore // *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*. 2012. Vol. 22, № 1—2. P. 50—62.
17. *Shaffer A.* Intergenerational Continuity in Parenting Quality: The Mediating Role of social Competence / Anne Shaffer, Keith B. Burt, Jelena Obradovic, Janette E. Herbers, Ann S. Masten // *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45, № 5. P. 1227—1240.
18. *Sen B.* The relationship between frequency of family dinner and adolescent problem behaviors after adjusting for other family characteristics // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33, № 1. P. 187—196.
19. *Tilbury D., Janousek S., Elias D.* Asia-Pacific guidelines for the development of National ESD indicators [Electronic resource]. Bangkok: UNESCO Asia and Pacific regional bureau for education, 2007. 109 p. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001552/155283e.pdf>.

Family indicators for the risk of addictive behavior

N.B. Florova

Ph.D in biology, senior research fellow of the laboratory of medico-psychological rehabilitation, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

The empirical findings in family problems relating to addictive behavior in children and adolescents, can serve a foundation for forming up a multiaxial system of indicators and backbone risk factors of addictive behavior in the family. On the ground of analysis of several publications the following risk indicators of addictive behavior in families can be introduced: environmental toxicity, family structure, parents' educational level, quality of parental styles, level of parents' aggravation, presence of empathy in children and adolescents, transgeneration transmission of socio-cultural norms and traditions.

Keywords: addictive behavior; family; risk indicators; predictors; transgeneration transmission; quality of parental styles.

REFERENCES

1. *Bulgakova M.V.* Metodicheskoe rukovodstvo po ispol'zovaniju metoda "Ocenki riskov i vozmozhnostej" (ORV) v organizacii social'no-psihologicheskogo soprovozhdenija nesovershennoletnih pravonarushitelej [Jelektronnyj resurs] / E.G. Dozorceva, A.A. Drejzin, D.S. Oshevskij, S.A. Poljatykin, T.E. Soldatova; Fond podderzhki detej, nahodjachihsja v trudnoj zhiznnoj situacii, Rossijskij blagotvoritel'nyj fond "Net alkoholizmu i narkomanii" (NAN). Moskva: RBF NAN, 2009. 196 s. (Rabota s det'mi gruppy riska. Vypusk 17). URL: <http://www.magcentr.ru/files/40.pdf>.
2. Resilience and Strength in African American Children and Adolescents. A vision for Optimal Development [Electronic resource]. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2008. 93 p. URL: <http://http://www.apa.org/pi/families/resources/resilien-cerpt.pdf>.
3. *Bailey R.S.* Withdrawal symptoms over time among adolescents in a smoking cessation intervention: Do symptoms vary by level of nicotine dependence? / Steffani R. Bailey, Christopher T. Harrison, Christina J. Jeffery, Seth Ammerman, Susan W. Bryson, Diana T. Killena, Thomas N. Robinson, Alan F. Schatzberg, Joel D. Killena // *Addictive Behaviors*. 2009. Vol 34, № 12. P. 1017–1022.
4. *BigFoot D.S., Funderburk B.W.* Honoring children, making relatives: The cultural translation of parent-child interaction therapy for American Indian and Alaska native families // *Journal of Psychoactive Drugs*. 2011. Vol. 43, № 4. P. 309–318.
5. *Berzin S.C.* Vulnerability in the transition to adulthood: Defining risk based on youth profiles // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32, № 4. P. 487–495.
6. *Conger R.D., Belsky J., Capaldi D.M.* The intergenerational transmission of parenting: Closing comments for the special section // *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45, № 5. P. 1276–1283.

7. *Elliston D.* Withdrawal from co-parenting interactions during early infancy / Donna Elliston, James McHalle, Jean Talbot, Meagan Parmley, Regina Kuerstein-Hogan // *Family Process*. 2008. Vol. 47, № 4. P. 481—499.
8. *Filbert K.M., Flynn R.J.* Developmental and cultural assets and resilient outcomes in First Nations young people in care: An initial test of an explanatory model // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32, № 4. P. 560—564.
9. *Furr-Holden C.D.M.* Disordered neighborhood environments and risk-taking propensity in late childhood through adolescence / C. Debra M. Furr-Holden, Adam J. Milam, M.H.S., Elizabeth K. Reynolds, M.S., Laura MacPherson, Carl W. Lejuez // *Journal of Adolescent Health*. 2012. Vol. 50, № 1. P. 100—102.
10. *Hardy S.A.* Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization / Sam A. Hardy, Amit Bhattacharjee, Americus Reed, Karl Aquino // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol 33, № 1. P. 111—123.
11. *Hill P.L.* Classifying adolescents' conceptions of purpose in life / Patrick L. Hill, Anthony L. Burrow, Amanda C. O'Dell, Meghan A. Thornton // *The Journal of Positive Psychology*. 2010. Vol. 5, № 6. P. 466—473.
12. *Larios S.E.* Evidence-based practices, attitudes, and beliefs in substance abuse treatment programs serving american indians and alaska natives: a qualitative study / Sandra E. Larios, Serena Wright, Amanda Jernstrom, Dorothy Lebron, James L. Sorensen // *Journal of Psychoactive Drugs*. 2011. Vol. 43, № 4. P. 355—359.
13. *Liao Sh.-H.* Relationships among organizational culture, knowledge acquisition, organizational learning, and organizational innovation in Taiwan's banking and insurance industries / Shu-Hsien Liao, Wen-Jung Chang, Da-Chian Hu, Yi-Lan Yueh // *The International Journal of Human Resource Management*. 2012. Vol. 23, № 1. P. 52—70.
14. *Luk J.W.* Parent-child communication and substance use among adolescents: Do father and mother communication play a different role for sons and daughters? / Jeremy W. Luk, Tilda Farhat, Ronald J Iannotti, Bruce G. Simons-Morton // *Addictive Behaviors*. 2010. Vol. 35, № 5. P. 426—431.
15. *Martin M.A.* Family structure and the intergenerational transmission of educational advantage // *Social Science Research*. 2012. Vol. 41, № 1. P. 33—47.
16. *Y.H. Ng I.* Parents' psychological self-concepts and children issues in low-income families in Singapore // *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*. 2012. Vol. 22, № 1—2. P. 50—62.
17. *Shaffer A.* Intergenerational Continuity in Parenting Quality: The Mediating Role of social Competence / Anne Shaffer, Keith B. Burt, Jelena Obradovic, Janette E. Herbers, Ann S. Masten // *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45, № 5. P. 1227—1240.
18. *Sen B.* The relationship between frequency of family dinner and adolescent problem behaviors after adjusting for other family characteristics // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33, № 1. P. 187—196.
19. *Tilbury D., Janousek S., Elias D.* Asia-Pacific guidelines for the development of National ESD indicators [Electronic resource]. Bangkok: UNESCO Asia and Pacific regional bureau for education, 2007. 109 p. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001552/155283e.pdf>.